

Научная статья

УДК 316.6

<https://doi.org/10.21702/rpj.2025.1.14>

Молодежь в постконфликтных регионах: социально-психологические проблемы и отношение к высшему образованию (на примере Армении)

Мария И. Заславская^{1*} , Паргев С. Аветисян²

¹ Ереванский Государственный Университет, Ереван, Армения

² Российско-Армянский Государственный Университет, Ереван, Армения

*Почта ответственного автора: zaslavm1@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются особенности функционирования системы высшего образования в постконфликтных обществах в восприятии молодежи на примере армянского общества. В статье представлены и обобщены результаты целого ряда международных исследований, на основании которых рассматриваются характеристики и отличительные черты постконфликтных обществ, проблемы молодежи в таких обществах, а также проанализированы проблемы высшего образования, которые возникают в результате длительных или кратковременных военных конфликтов в разных странах. **Методы.** В исследовании участвовали 625 молодых людей, проживающих в Армении, в возрасте 18–35 лет. Было проведено комплексное междисциплинарное исследование с применением качественных и количественных методов, групповых и индивидуальных интервью. Был проведен сравнительный анализ проблем высшего образования в довоенный период в Армении на основании исследований того периода с данными, характеризующими поствоенные особенности функционирования системы высшего образования в восприятии молодежи Армении. **Результаты.** Ряд проблем высшего образования довоенного периода (до первой половины 2020 года) усугубился в поствоенный период (начиная со второй половины 2020 года до конца 2023 года), к которым добавился еще ряд проблем, связанных с неопределенностью поствоенной реальности, постоянной угрозой новых вооруженных конфликтов, с проблемами физического и психического здоровья, посттравматическими состояниями. Тем

не менее, роль высшего образования для молодежи становится более значимой по сравнению с довоенным периодом. Именно с высшим образованием молодежь начинает связывать возможность преодоления целого ряда кризисов, акцентируя необходимость получения знаний в конкретных областях. **Обсуждение результатов.** Результаты данного исследования могут послужить основой для понимания дальнейших стратегий развития общества, путей преодоления ими проблем в образовании в условиях поствоенного кризиса. В этой связи проблемы, связанные с изучением молодежи в условиях поствоенных обществ, становятся все более актуальными.

Ключевые слова

высшее образование, поствоенные общества, социально-психологические проблемы, студенческая молодежь

Финансирование

Исследование поддержано Комитетом по высшему образованию и науке МОН РА (Исследовательский проект № 21T-5D287), Программой развития РАУ по теме «Стратегические направления повышения конкурентоспособности системы высшего образования РА в контексте интеграции и интернационализации (междисциплинарное исследование)» N 23PR:HU-educ-63313, внутренним грантом ЕГУ (2024-2027).

Для цитирования

Заславская, М.И., Аветисян, П.С. (2025). Молодежь в постконфликтных регионах: социально-психологические проблемы и отношение к высшему образованию (на примере Армении). *Российский психологический журнал*, 22(1), 258–275. <https://doi.org/10.21702/rpj.2025.1.14>

Введение

Система образования в любом обществе формируется во многом исходя из необходимости решения конкретных общественных задач, а потому она тесно связана как со внутренними, так и со внешними условиями функционирования социума. В конечном счете система образования в любом государстве выполняет общественный заказ на формирование определенного типа личности. Высшая школа тесно связана с тенденциями политической жизни страны, которые приводят к изменению целей, приоритетов и инструментов образовательной политики. Политические процессы и дискуссии, борьба политических сил могут становиться

причинами и условиями реформирования системы образования, в том числе высшей школы (Пашков, 2015).

Трансформации поствоенного общества

Во время вооруженных конфликтов любое общество претерпевает тяжелые трансформации, которые начинают оказывать непосредственное влияние на функционирование института высшего образования в целом. Некоторые ученые (Giddens, 2009; Kaldor, 2007), изучающие военные конфликты, утверждают, что их характер резко изменился за последние 30 лет, поскольку возник новый тип войны, в котором центральную роль играют не столько человеческие ресурсы, оружие и другие материальные ресурсы, а прежде всего информационные технологии, которые находятся в центре военного планирования и тактики. В литературе это называется «новой войной» (Kaldor, 2012; Kaldor, 2013, Chinkin et al., 2020).

Особый интерес представляют особенности социального функционирования послевоенных обществ, среди характерных особенностей которых можно назвать следующие (Höglund & Kovacs, 2010):

- демографические проблемы,
- возрастание количества матерей-одиночек, перерастание обществ в «женские общества»,
- увеличение преступности,
- снижение уровня социальной сплоченности, уменьшение социального доверия (Fiedler, Rohles, 2021).

Особенности послевоенного армянского общества в научной литературе анализировались на основе социологического, психологического, исторического, этнополитического подходов. Так, Первая Арцахская война (1992-1994 г.) анализируется в контексте изменений, происходящих в обществе в 1990-е годы. Г. Котанджян конкретно говорит о повсеместном бурном росте национального и этнического самосознания, развитии различных национальных движений, обострении межэтнических противоречий и других особенностях, характерных для тех лет (Котанджян, 1992).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что постконфликтные общества значительно отличаются от «нормального» состояния обществ, что делает актуальным изучение особенностей социальной адаптации различных групп.

Посттравматическое стрессовое расстройство и депрессия являются наиболее распространенными психическими расстройствами, регистрируемыми у детей и молодежи в условиях войны и конфликтов (War Child UK, 2013). Другие зарегистрированные расстройства включают острые реакции на стресс, синдром дефицита внимания с гиперактивностью, паническое расстройство, специфичные для детского возраста тревожные расстройства и нарушения сна. Кроме того,

дети, подвергшиеся вооруженным конфликтам, часто имеют сопутствующие психопатологии. Симптомы расстройства усиливаются с возрастом, причем наиболее уязвимыми являются дети школьного возраста (War Child UK, 2013).

Вообще говоря, воздействие войны на молодежь характеризуется рядом нарушений психического здоровья (Woods, 2011):

- Травма;
- Посттравматическое стрессовое расстройство;
- Снижение уверенности в будущем.

Война и вооруженные конфликты влияют на результаты обучения детей и молодых людей, их отношения со сверстниками и общую удовлетворенность жизнью. Лонгитюдные исследования подтверждают, что опыт конфликта и постконфликтная среда могут негативно повлиять на психическое здоровье детей и молодежи. В то же время наличие защитных факторов, в том числе принятия со стороны семьи и общества, может способствовать снижению негативных последствий военных конфликтов, тем самым снижая риск психических расстройств (Betancourt et al., 2019).

Проведенные на основе антропологического и этнографического подходов исследования конфликтов в Сьерра-Леоне, Косово, Боснии и Герцеговине и последовавших за ними событий позволяют выявить характерные черты послевоенной молодежи, к которым относятся, в частности, изменения в сфере занятости, практика «избегания и молчания» (PalMBERGER, 2018); события военных конфликтов рассматриваются молодыми людьми как удручающие и угрожающие. Молодые люди предпочитают «держаться подальше» от политизированного общества в своей нынешней жизни (Eastmond et al., 2012).

Исследования влияния вооруженных конфликтов на высшее образование выделяют несколько критических проблем и тенденций. Войны и конфликты серьезно нарушают системы высшего образования, разрушая инфраструктуру, вытесняя студентов и преподавателей, изменяя учебные программы и усугубляя гендерное неравенство (Chinkin et al., 2020). Например, в таких странах, как Сирия, Ирак, Украина и Афганистан, университеты столкнулись со значительными проблемами в поддержании академической преемственности и качества из-за продолжающихся конфликтов. Эти нарушения часто приводят к снижению образовательных стандартов и доступа, что может иметь долгосрочные последствия для социально-экономического развития пострадавшего населения (Mulatedzi, 2024).

Несмотря на эти проблемы, наблюдается заметная устойчивость среди преподавателей и студентов, которые стремятся продолжать свое образование в условиях конфликта. Международное сотрудничество и поддержка со стороны глобальных образовательных органов играют решающую роль в поддержании образовательных возможностей и содействии восстановлению и перестройке систем высшего образования в регионах, охваченных военным конфликтом. Эти

усилия необходимы не только для немедленного восстановления, но и для содействия долгосрочной стабильности, миру и росту в этих обществах (Kaууali, 2024).

Трансформации общества отражаются на молодежи, которая в связи с изменившимися условиями вынуждена менять свои цели и способы их достижения. С этой точки зрения становятся актуальными те методы адаптации в ситуации поствоенных трансформаций, которые применяет молодежь для самореализации в высшем образовании. Эта проблема является очень важной для понимания дальнейших стратегий развития общества, путей преодоления ими проблем в образовании в условиях поствоенного кризиса.

Анализ исследований молодежи в довоенной Армении

Анализ различных исследований молодежи в довоенной Армении позволил выявить следующие проблемы в образовании молодежи до военного конфликта (Мовсисян, 2022; Аветисян и др., 2023):

- увеличение числа детей, исключенных из обязательного образования, особенно среди мальчиков;
- несоответствие между содержанием образования и знаниями, и навыками, необходимыми на рынке труда;
- несоответствие между образованием и технологическим развитием;
- неравный доступ к профессиональному образованию, особенно среди сельской молодежи;
- проблема совмещения преподавания, научных исследований, практических навыков в обучении молодежи;
- пассивное вовлечение молодежи во весь образовательный процесс.

Исследования качества образования показывают, что как обязательное государственное образование, так и профессиональное высшее образование имели до военного конфликта серьезные пробелы (Мовсисян, 2022). Можно выделить основные факторы, негативно влияющие на качество высшего образования, среди которых:

- Разрыв между стратегическим менеджментом и процессами обеспечения качества;
- Отсутствие участия заинтересованных сторон и интереса к процессам обеспечения качества;
- Слабое влияние процессов интернационализации на совершенствование образовательных программ;
- Отсутствие объективного анализа внутренних и внешних факторов образовательного процесса;
- Несоответствие существующих систем документации и внутреннего обеспечения качества.

Студенты, как основные бенефициары профессионального образования, придают понятию «качество образования» одно основное значение: соответствие требованиям рынка труда, знаниям и умениям, необходимым для того, чтобы стать конкурентоспособным специалистом (Мовсисян, 2022). Разработчики образовательной политики в своей трактовке концепции, которая также закреплена образовательным законодательством, делают акцент на соответствии государственным образовательным стандартам. Преподавательский состав подчеркивает эффективную организацию и реализацию образовательного процесса (Мовсисян, 2022).

Вообще говоря, в молодежных исследованиях вопросы трудоустройства и образования обычно рассматриваются во взаимодействии. Многие исследования в Армении также подчеркивают, что связь между образованием и рынком труда нарушена (Мовсисян, 2022). Профессиональное образование не является гарантией трудоустройства в Армении, поскольку среди безработных много людей с высшим образованием (Статистический ежегодник Армении-2024, стр. 126).

Результаты целого ряда исследований, проведенных среди студентов г. Еревана в период от 2015 до 2019 гг., показывают весьма высокий уровень отчужденности студентов в сфере образования (Григорян и др., 2017; Заславская, 2017; Заславская, 2019, Берберян, 2018). В проявлениях студенческой отчужденности в сфере довоенного образования можно выделить ряд категорий. Во-первых, это проявления, связанные с учебным процессом, среди которых следует упомянуть низкий уровень активности на лекционных и семинарских занятиях, слабая мотивация самостоятельной работы, невысокий уровень интереса к занятиям, стремление к формальным показателям, в т.ч. стремление к формальному получению высоких оценок, получению формального диплома. Во-вторых, это проявления, связанные с деятельностью вуза, в том числе невысокий уровень причастности к деятельности вуза, невысокий уровень доверия к администрации вуза, ощущение непричастности к процессам принятия решений в вузе. В-третьих, это проявления, связанные с профессиональной подготовленностью и рынком труда, среди которых неполное понимание своих будущих профессиональных компетенций, высокий уровень тревожности в связи с будущим трудоустройством.

Результаты упомянутых исследований выявили следующую интересную закономерность: на фоне общего желания студентов быть привлеченными к деятельности вуза, подавляющее большинство студентов высказали ту точку зрения, что большая часть студенчества должна быть привлечена не только к управлению вузом, формированию программ обучения и выбору предметов, но также участвовать в выработке программ конкретных учебных дисциплин. Иными словами, студенты слабо представляли себе функциональную дифференциацию различных структур системы высшего образования, не ориентировались в том, каков должен быть конечный результат процесса получения ими высшего образования, от каких факторов он должен зависеть. В студенческой среде того времени проявлялись

такие формы девиаций, как, например, коррупция в деле получения оценок на экзамене или зачете, использование шпаргалок во время письменных и устных экзаменов и т.п. В частности, для более 80% студентов было нормой, и они ничего бы не предпринимали, если бы узнали, что их товарищ получил оценку на экзамене или зачете за определенную плату, либо с помощью знакомого или иного посредника.

Среди последствий социального отчуждения можно отнести высокую степень стремления студентов к эмиграции из Армении: среди всех студентов процент желающих рано или поздно выехать из Армении составлял 67,3 %. Среди причин такого желания студенты называли стремление лучше трудоустроиться в будущем, получить лучшее, более качественное образование, а также повысить уровень своего благосостояния. Иными словами, причины, связанные с проблемами образования, являлись одними из актуальных причин желания студента реализовать миграционное поведение. В частности, только 45,3% студентов считали, что в Армении получение высшего образования гарантирует получение достойной работы, а более 30% студентов считали, что армянское высшее образование не готовит качественных специалистов. Из всех желающих эмигрировать только около 48% студентов связывали свое будущее с Арменией. Более того, уровень отчуждения студента находился в прямой корреляционной связи с интенсивностью желания мигрировать из Армении: чем более был высок уровень отчуждения студента, тем более категоричным было стремление студента мигрировать из Армении.

Подводя итог, можно сделать вывод, что до военного конфликта армянская молодежь сталкивалась с рядом таких проблем, как безработица, неудовлетворенность качеством образования, непонимание своего места в системе высшего образования.

Цель исследования

Целью исследования было выявить основные социально-психологические проблемы в сфере высшего образования у молодежи Армении в условиях поствоенных трансформаций в обществе и сравнить их с довоенными там, где это будет возможным.

Методы

Для проведения исследования нами применялись следующие методы:

1. Традиционный анализ документов. Были исследованы документы в контексте системы «человек-среда», связанные с социальной адаптацией молодежи, которая включала в себя текущее состояние молодежи, статистику социальных изменений, анализы, описания законодательного поля и т. д.
2. Анкетный опрос по гибридной методологии, сочетающей дистанционные и прямые методы. Репрезентативная выборка (с погрешностью выборки не

более 0,05 при степени значимости 0,05) была осуществлена для генеральной совокупности, которая состояла из молодого населения Армении в возрасте 18–35 лет. В количественном опросе приняли участие 625 молодых людей РА. Была применена стратифицированная случайная четырехступенчатая кластерная выборка. В ходе опроса были выявлены факторы, влияющие на восприятие молодежи проблем в высшем образовании в поствоенный период.

3. Глубинные интервью с ключевыми информантами для выявления интерпретации молодежью проблем в высшем образовании, связанных с военным конфликтом и пандемией, их ожиданий и проектов. Экспертные интервью позволили выявить практические предложения для молодежи по разработке эффективной политики.

4. Фокус-групповые интервью, основной целью которых было выявление восприятия создаваемой ситуации молодежью, ее ожиданий, возможных изменений в поведении и основных моделей реагирования на ситуацию.

Было проведено 12 индивидуальных интервью и 8 групповых дискуссий с молодежью, 6 экспертных интервью с преподавателями вузов, исследователями, психологами, социологами, работающими с молодежью. Выборка для интервью и дискуссий была типической с комбинированными и независимыми критериями отбора. Комбинированные критерии включали следующие типические группы:

- 3 возрастные группы: 18–22 года, 23–29 лет, 30–35 лет;
- 2 группы по полу: мужской, женский;
- 3 группы по месту жительства: село, город области, город Ереван;
- 2 группы по занятости: безработные и трудоустроенные.

В качестве дополнительного критерия использовалось участие в военном конфликте: группа представителей молодежи – непосредственных участников военного конфликта, а также группа насильственно переселенных молодых людей из Арцаха.

Результаты

Пандемия и вооруженные конфликты оказали существенное влияние на вовлеченность молодежи в образование, поскольку вызванный пандемией переход на дистанционное образование, военные действия, проблемы безопасности помешали полной реализации права молодых людей на образование. После военного конфликта поляризация стала одной из характеристик армянской молодежи. «Человеческое развитие молодежи было крайне неравномерным» (Национальный доклад, 2022). Согласно результатам экспертного опроса, это неравенство проявилось в сферах образования, занятости, здравоохранения, политического и гражданского участия.

Примечательно, что безработица всегда указывалась молодежью как важнейшая проблема еще до войны. Тем не менее, эта проблема в послеконфликтный период получила иной акцент, ибо наряду с безработицей в качестве первостепенных проблем стали упоминаться проблемы эмиграции, тяжелое финансовое положение, отсутствие качественного образования, что может быть связано с рядом факторов: после вооруженного конфликта усилились миграционные настроения, образование стало рассматриваться как эффективный способ преодоления безработицы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Проблемы молодежи в постконфликтный период

Проблемы, озвученные молодежью	Процент озвучивших
Безработица	70,9
Эмиграция	29,6
Тяжелое финансовое положение	24,6
Вредные привычки	22,9
Отсутствие качественного образования	16,0
Платное образование	15,5
Отсутствие возможности провести свободное время	11,5
Отсутствие предпринимательского мышления	9,3
Отсутствие возможностей для самовыражения	9,1
Неопределенность в повседневной жизни и будущем	7,0
Отсутствие гражданской ответственности	3,8
Натянутые отношения с родителями	3,7
Недостаток мест для занятий спортом	3,5

Неслучайно, если раньше личные связи имели приоритет при поиске работы, то сейчас молодые люди на первое место ставят образование. В проведенном исследовании профессиональное образование и квалификация являются для молодежи более сильными факторами для трудоустройства, чем личные связи. В частности, профессиональное образование как основной фактор трудоустройства, отметили 35,2% респондентов, знание иностранных языков – 19,1%, интересно, что внешний вид назвали 12,7% респондентов, а вот фактор личных связей отметили 30% молодых людей (см. Таблицу 2), тогда как в доконфликтных реалиях более 67 % отвечающих называли основным фактором трудоустройства именно личные связи, которые были в доконфликтных реалиях наиболее значимыми для молодежи (Галстян, 2023).

Таблица 2

Факторы трудоустройства глазами молодежи в постконфликтный период

Факторы	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Полностью согласен
Личные навыки и социальная осведомленность	14,6	9,7	44,9	30,7
Образование, специализация и квалификация	9,0	16,5	39,3	35,2
Личные связи	12,4	30,0	27,7	30,0
Опыт работы	15,4	36,0	30,0	18,7
Знание иностранных языков	27,3	34,8	18,7	19,1
Внешность	27,7	39,3	20,2	12,7

В 2021 году 31% молодежи не имели работы, образования и профессиональной подготовки, из которых 63% — женщины. В 2020 году эпидемия и состояние конфликта не позволили полностью включить молодежь в систему образования (WB data, 2021). Из-за войны участие молодежи в дистанционном обучении по причине пандемии оказалось еще более проблематичным. Исследование позволило понять, как молодые люди оценивают качество образования с точки зрения выживания в условиях военного конфликта. Особо подчеркивались со стороны молодежи пробелы в медиаграмотности, оказании первой помощи, ориентации на местности, глубоких знаниях оружия, а также умении справляться со страхом, напряжением и психологически напряженными ситуациями. Далее приведены отрывки из интервью с респондентами.

«Многие люди погибли напрасно просто потому, что не обращали внимания на образование. Они не думали об опасности, не обращали внимания на то, чтобы понять свое местонахождение, речь местных, если их перемещали с места на место, чтобы понять, куда идет дорога, для чего она нужна.... Много людей погибли от этого, почти 25%»

(Групповая дискуссия, муж., 18-22 года, городской житель)

«Нам следует осознать все это еще раз. Что они должны быть более подготовленными, даже если возникнет такая ситуация, что у них нет водительских прав, но возникнет такая ситуация, что они умеют водить машину и при необходимости могут управлять автомобилем или пользоваться оружием. Во-первых, большинство водителей боялись водить машину, это там [в армии] было очень большой проблемой. В армии я не был водителем, но уже полпути вел машину, потому что водители из-за страха перестали ездить»
(Личное интервью, муж., 20 лет, сельская местность)

Чувство страха стало сопутствующим обстоятельством для молодежи после эпидемии и военного конфликта, что, как отмечает У. Бек, является одним из характерных аспектов общества риска (Beck, 1992). В обществе риска будущее рассматривается как иллюзия, нет доверия к будущему, настоящие опасности рассматриваются как индивидуальные неудачи, что приводит к невозможности коллективных действий. Поэтому в обществах риска, которые Бек еще называл обществом катастроф, чрезвычайная ситуация грозит стать нормой жизни (Beck, 1992).

В 2020 году после военного конфликта организация обучения детей и молодежи, насильственно переселенных из Арцаха, сопровождалась целым рядом проблем: «в начале переезда в Армению дети и молодежь с трудом адаптировались к среде проживания и обучения. Дети и молодые люди находились в состоянии психологического напряжения и паники, что не позволяло им полноценно учиться, социально-безопасная среда оказала существенное влияние на адекватную и активную адаптацию в сфере образования» (Abrahamyan, 2023; Берберян, 2023).

Признаки подобных социально-психологических проблем были четко обозначены и проявились у участников исследования, особенно у молодых людей, переживших утрату в своем окружении.

В качестве одного из главных факторов, способствующих панике, стрессу и травмам, молодые люди, участвовавшие в исследовании, называют средства массовой информации, особенно новости, в том числе фейковые, распространяемые в социальных сетях. Интересно, что среди молодых людей, участвовавших в исследовании, особенно младшего возраста, 18-19 лет, существует практика отказа от социальных сетей, которую мы можем определить как *цифровой ретритизм* в современных поствоенных обществах.

Молодые люди, участвовавшие в исследовании, отметили важность психологических и духовных бесед, заявив, что имеется очень мало реальных возможностей их практиковать.

«Важны психологические беседы, ведь врачей много, они должны беседовать с участниками войны. Имеются случаи отклонений и после войны».
(Групповая дискуссия, муж., 18-22 года, город)

В молодежных исследованиях обычно констатируется, что религия не влияет на жизнь молодых людей, хотя является источником ценностей, жизненных целей, принадлежности. Некоторые из молодых людей, участвовавших в исследовании, подчеркнули, что они стали больше ходить в церковь, и им необходимы беседы и дискуссии на духовные темы.

«Я была в Арцахе во время войны и ни разу в жизни не ощущала этого чувства: страха, потери. Первое, что после войны помогает мне сейчас адаптироваться к этой ситуации: я стала ближе к церкви и стала ближе к моей вере. Раньше я этого не осознавала, ходила в церковь, ставила свечи по обязанности. Я была в Ереване до 7 ноября, уехала из Арцаха поздно, но не могла взять себя в руки, сходить в церковь, молиться. Никакой информации от отца у нас не было до 1 ноября, сказали, что они в осаде, находятся в Лачине. В тот самый день, когда я пошла в церковь Абовяна, первым мне позвонил отец и сказал, что со мной все в порядке, мы спускаемся в Степанакерт. С того дня я еще больше ценю роль церкви в своей жизни, свою веру».

(Групповая дискуссия, 18-22 года, жен., Ереван)

Молодые люди подчеркивают актуальность преодоления последствий военного конфликта, особенно в контексте важности шагов, направленных на восстановление психического здоровья.

«Я хочу сделать акцент на людях, пострадавших от войны, так сказать, принимавших участие в войне. Хочу сказать из своего личного опыта, что каждая свободная бездумно прожитая минута сказывается на друзьях, погибших на войне, на потерянном здоровье.

(Личное интервью, муж., 18-22, город)

Еще одна проблема, связанная с образованием после войны, связана с необходимостью пересмотра содержания образования, по мнению респондентов. Особенно актуальной является проблема, связанная с преподаванием истории. Также во время исследования в русле прагматизации образования было озвучено желание использовать образование как способ решения и преодоления конкретных послевоенных проблем.

С точки зрения актуализации предметной области образования во время личных интервью были названы такие области, как необходимость обучения основам психического здоровья, внедрение культуры здорового образа жизни и информации о преодолении вредных привычек.

Занятость является одной из проблем армянской молодежи, безработица среди молодежи всегда была выше по сравнению с другими возрастными группами населения. Высокий уровень безработицы среди молодежи подчеркивает нереализованный потенциал молодежи, особенно остро проблема стоит среди девушек в возрасте 15-24 лет.

Для сравнения отметим, что занятость молодежи в целом после военного конфликта снизилась, за исключением возрастной группы 30-34 лет, хотя численность занятых в этой возрастной группе в 2020 году зафиксировала тенденцию к снижению. Можно также провести сравнение по отраслям занятости: процентное распределение молодежи, занятой в сельском хозяйстве, также снизилось (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Сравнительные характеристики занятой молодежи 2019 и 2022 г.г.

Показатель занятости	2019	2022
Количество занятых в возрастной группе 15-19 лет	14,000	12,900
Количество занятых в возрастной группе 20-24 года	74,800	61,900
Количество занятых в возрастной группе 25 – 29 лет	126,200	107,000
Количество занятых в возрастной группе 30 – 34 года	140,500	146,200
Уровень занятости	37,2	35,3
Уровень занятости у женщин	29,4	26,6
Уровень занятости у мужчин	44,8	43,5
Уровень занятости в городе	36,5	32,8
Уровень занятости в деревне	38,2	39,3
Процент занятой молодежи в сельском хозяйстве	19	16
Процент занятой молодежи в строительстве	10	11
Процент занятой молодежи в промышленности	9	9
Процент занятой молодежи в услугах	63	64
Процент людей с высшим образованием среди занятой молодежи	42	36
Процент людей с основным общим образованием среди занятой молодежи	5	6
Процент людей со средним, средне специальным и ремесленным образованием среди занятой молодежи	53	58

Примечание. Источники: Рынок труда в Армении, 2021 г., Статистический комитет, <https://armstat.am/am/?nid=82&id=2447>, Рынок труда в Армении, 2023 г., Статистический комитет, https://armstat.am/file/article/lab_market_2023_9.pdf

Примечательно, что безработица всегда указывалась молодежью как важнейшая проблема еще до военного конфликта. Тем не менее эта проблема в послевоенный период получила иной акцент, ибо наряду с безработицей в качестве первостепенных проблем стали упоминаться проблемы эмиграции, тяжелое финансовое положение, отсутствие качественного образования, что может быть связано с рядом факторов: после военного конфликта усилились миграционные настроения, образование стало рассматриваться как эффективный способ преодоления безработицы. Неслучайно, если раньше личные связи имели приоритет при поиске работы, то сейчас молодые люди на первое место ставят образование.

В проведенном исследовании профессиональное образование и квалификация являются для молодежи более сильными факторами для трудоустройства, чем личные связи. В частности, профессиональное образование как основной фактор трудоустройства отметили 27,7% респондентов, знание иностранных языков – 27,3%, внешний вид назвали 27,6% респондентов, а вот фактор личных связей отметили 12,4% молодых людей, тогда как в довоенных реалиях более 67 % отвечающих называли основным фактором трудоустройства именно личные связи.

Число молодых людей, желающих получить формальное и неформальное образование, чтобы выйти на рынок труда, имеет тенденцию к увеличению, по сравнению с довоенной реальностью. До военного конфликта меньшее количество молодых людей предпринимало шаги для получения формального образования и неформального образования для выхода на рынок труда. Другими словами, отсюда можно сделать вывод, что получение образования как практика адаптации более распространено среди молодежи в послевоенной реальности Армении. Около 15,7% молодых людей планируют получить профессию, тогда как до военного конфликта этот показатель составлял 8,2% (Abrahamyan, 2023).

Во время карантина большая часть армянской молодежи посещала онлайн-курсы и занималась самообразованием. Распространение практики обращения к неформальному образованию после военного конфликта может быть также связано с увеличением практики самообразования и участия в онлайн-курсах во время предшествовавшей им пандемии.

Также имеется гендерная разница по восприятию влияния своей личности на преодоление последствий военного конфликта: девушки меньше оценивают значение своей личности в деле преодоления последствий, чем юноши. Наряду с повышением уровня образования можно наблюдать следующую разницу: чем выше уровень образования, тем менее оценивалось молодежью влияние собственной личности на механизмы преодоления последствий военного конфликта.

Обсуждение результатов

Таким образом, резюмируя результаты исследования, мы можем заключить, что трансформации, происходящие в восприятии молодежью высшего образования

и его места в адаптационных практиках в послевоенной Армении, довольно противоречивы. Они во многом характеризуется преемственностью проблем довоенного периода и обрастают новыми особенностями, связанными с военным конфликтом, проблемами безопасности и неопределенностью будущего развития. Фактически, все проблемы высшего образования, связанные с доступностью образования, качеством образования остались актуальным и в поствоенный период. Более того, к ним добавились новые проблемы, такие как неопределенность поствоенной реальности, постоянная угроза новой войны, проблемы психического здоровья, неполная реализация права на образование, что заставляет молодежь постоянно искать новые пути адаптации к новым реалиям, связанным с постоянной неопределенностью (Берберян, 2023; Аветисян и др., 2022).

Если проблемы высшего образования молодежи до военного конфликта в большей степени были связаны с проблемами безработицы и несоответствием содержания образования знаниям и навыкам, необходимым включения в рынок труда (см., например, Берберян, 2018), то в послевоенный период для молодежи более значимы стали проблемы ментального здоровья, необходимость соответствия образования проблемам выживания, борьбы со стрессом и психотравмами, как это следует из результатов исследования. Более того, высшее образование в глазах молодежи после военного конфликта приобрело большую значимость по сравнению с довоенным периодом. Если в довоенный период наблюдался более высокий уровень отчужденности студента в системе высшего образования (Заславская, 2019), то в поствоенный период студенты проявляют большую включенность в процесс получения образования, которое получило инструментальное значение в глазах молодежи как возможность преодоления материальных и ментальных трудностей в повседневной жизни. Особый акцент в восприятии проблем высшего образования в поствоенный период молодежь стала ставить на проблему соответствия высшего образования современным информационным технологиям, и одной из главных проблем в поствоенный период молодежь называет проблему образования в обучении студентов медиаграмотности.

Если сравнить результаты исследования с данными проведенных ранее исследований в разных странах, то мы можем констатировать, что длительные военные конфликты наносят большой урон системе высшего образования, зачастую приводя его к коллапсу и дисфункциональности, как это наблюдалось, например, в Сирии и Афганистане (Kaууali, 2024). Более кратковременные войны создают особую образовательную среду, где наряду с факторами, нарушающими нормальное функционирование системы высшего образования, появляются новые факторы, способствующие её дальнейшему развитию и приобретению большей ценности и значимости в поствоенных обществах (Alkol, 2024; Fanthorpe & Maconachie, 2010; Mysak, 2021). Однако, для поддержания этого эффекта необходимы такие институциональные преобразования системы высшего образования, которые позволили бы удовлетворить новые образовательные потребности молодежи,

появившиеся в условиях современных трансформаций в образовании (Ermakov et al., 2022; Денисова и др., 2022).

Заключение

Задача исследования и изучения эффективных механизмов реализации институциональных нововведений в системе высшего образования становится на сегодняшний день одной из самых актуальных задач для многих стран, находящихся в поствоенной реальности. Учет этих механизмов напрямую связан с тем, насколько эффективно и быстро общество сумеет преодолеть те проблемы, которые закономерно возникают в поствоенных реалиях и могут на долгие годы препятствовать эффективному развитию основных общественных институтов. Молодежные исследования в поствоенных обществах могут иметь решающую роль в решении этих задач.

Литература

- Аветисян, П. С., Заславская, М. И., Титаренко, Л. Г., Берберян, А. С., Корнилова, О. А., Оганян, К. М., Галикян, Г. Э., Геворкян, Н. М., Тадевосян, М. Р., Лебедева, Е. В., Матасова, И. Л., & Пилюкова, С. С. (2023). *Современные тенденции и приоритеты развития высшего образования государств-членов Евразийского экономического союза (Армения, Беларусь, Россия)*. Издательство Российско-Армянского университета.
- Аветисян, П. С., Заславская, М. И., Галикян, Г. Э., Геворкян, Н. М., & Тадевосян, М. Р. (2022). Проблемы, риски и перспективы цифровизации образования Армении глазами студентов, преподавателей и экспертов. *Вестник РАУ*, (4), 124–137.
- Берберян, А. С. (2018). Перспективы развития системы высшего образования Армении: гуманизация или гуманитаризация? *Modern Psychology*.
- Берберян, А. С. (2023). Взаимосвязь экзистенциальной исполненности и тревожности у молодежи. *Ярославский педагогический вестник*, 131(2), 109–118.
- Галстян, М. (2023). Социологический анализ социальной адаптации молодежи РА в послевоенной действительности. *Регион и мир*, (1), 23–29.
- Григорян, А. К., & Заславская, М. И. (2017). О некоторых особенностях измерения обратной связи со студентами в контексте управления университетом. *Университетское управление: практика и анализ*, 21(2), 155–163.
- Денисова, Е. Г., Ермаков, П. Н., Абакумова, И. В., & Сылка, Н. В. (2022). Эмоционально-личностные и метакогнитивные предикторы психологического благополучия студентов в современных условиях. *Психологическая наука и образование*, 27(5), 85–96.
- Заславская, М. И. (2019). Особенности феномена социального отчуждения студентов в контексте образовательной миграции (на примере вузов г. Еревана). В *Двенадцатая годовичная научная конференция (4–8 декабря 2017 г.): Сборник научных статей: Социально-гуманитарные науки. Часть II* (стр. 622–629). Издательство Российско-Армянского университета.
- Заславская, М. И. (2017). О проблеме социального отчуждения студентов в сфере высшего образования в свете современных трансформаций. Ю. В. Асочаков (ред). В *Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции): Материалы научной конференции IX Ковалевские чтения (9–11 ноября 2017 года)*. Скифия-принт.

- Зубкова, Е. (2000). Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 гг. РОССПЭН.
- Котанджян, Г. (1992). *Этнополитология консенсуса-конflikта. Цивилизационный аспект национальной безопасности*. Луч.
- Мовсисян, Т. (2022). *Стратегические подходы к процессам обеспечения качества высшего образования в РА*. Банбер, Государственный университет имени В. Брюсова.
- Пашков, В. А. (2015). Трансформация института высшего образования в условиях тоталитаризма. ПОЛИТЭКС, (2).
- Статистический ежегодник Армении-2024, Ереван, 2024.
- Abrahamyan, A. (2023). Problems and development prospects of the RA higher education system. *Education in the 21st Century*, 1(5), 14–20. <https://doi.org/10.46991/educ-21st-century.v1i5.10969>
- Alkol, M. K. (2024). Impact of armed conflicts on higher education: Northwestern Syria context. In *Rebuilding higher education systems impacted by crises: Navigating traumatic events, disasters, and more* (Chapter 17, pp. 285–295). Scopus.
- Beck, U. (1992). *Risk society: Towards a new modernity*. Sage.
- Betancourt, T. S., Thomson, D. L., Brennan, R. T., Antonaccio, C. M., Gilman, S. E., & VanderWeele, T. J. (2019). Stigma and acceptance of Sierra Leone's child soldiers: A prospective longitudinal study of adult mental health and social functioning. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*.
- Bolten, C. (2012). *I did it to save my life: Love and survival in Sierra Leone*. University of California Press.
- Chinkin, C., Kaldor, M., & Yadav, P. (2020). Gender and new wars. *Stability: International Journal of Security and Development*, 9(1).
- World Bank (2019–2021). World development indicators. Retrieved from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>
- Eastmond, M., & Selimovic, J. M. (2012). *Silence as possibility in postwar everyday life*. Oxford University Press.
- Ermakov, P. N., Denisova, E. G., Kupriyanov, I. V., & Kolenova, A. S. (2022). Psychological predictors of constructive and destructive forms of youth informational behavior. *Russian Psychological Journal*, 19(2), 21–34.
- Fanthorpe, R., & Maconachie, R. (2010). Beyond the 'crisis of youth'? Mining, farming, and civil society in post-war Sierra Leone. Oxford University Press.
- Fiedler, C., & Rohles, C. (2021). *Social cohesion after armed conflict: A literature review*. Bonn.
- Giddens, A. (2009). *Sociology (6th ed., revised and updated with Philip W. Sutton)*. Polity Press.
- Höglund, K., & Kovacs, M. S. (2010). Beyond the absence of war: The diversity of peace in post-settlement societies. *Review of International Studies*, 36(2), 367–390.
- Human Development Report 2021-22. (2022). *Uncertain times, unsettled lives: Shaping our future in a transforming world*. UNDP.
- Kaldor, M. (2013). In defence of new wars. *Stability: International Journal of Security and Development*, 2(1), 4.
- Kaldor, M. (2012). *New and old wars: Organized violence in a global era*. Polity.
- Kayyali, M. (2024). The impact of war on higher education: The context of wars in Syria, Iraq, Ukraine, and Afghanistan. In *Rebuilding higher education systems impacted by crises: Navigating traumatic events, disasters, and more* (Chapter 16, pp. 275–284). Scopus.
- Mulatedzi, C. R. (2024). Rebuilding higher education systems impacted by crises: The impact of wars and conflicts on higher education. In *Rebuilding higher education systems impacted by crises: Navigating traumatic events, disasters, and more* (Chapter 14, pp. 239–252). <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-1926-0.ch014>

Mysak, Y. (2021). Reclaiming everyday peace: Local voices in measurement and evaluation after war. *Nordic Journal of Human Rights*, 39(1), 95–97.

Newman, E. (2004). The "new wars" debate: A historical perspective is needed. *Security Dialogue*, 35(2), 173–189.

Palmberger, M. (2018). Between past and future: Young people's strategies for living a "normal life" in postwar Bosnia and Herzegovina. In W. D. Montgomery (Ed.), *Everyday life in the Balkans* (pp. 107–116). Indiana University Press.

War Child UK. (2013). *War: The next generation. The future of war and its impact on children*.

Woods, M. (2011). *The role of youth in post-conflict reconstruction*. SIT Graduate Institute.

Поступила в редакцию: 03.09.2024

Поступила после рецензирования: 03.10.2024

Принята к публикации: 15.10.2024

Информация об авторском вкладе

Мария Игоревна Заславская – разработка концепции исследования, проведение анализа данных и участие в подготовке текста

Паргев Сергеевич Аветисян – участие в сборе данных и подготовке первоначального варианта статьи

Информация об авторах

Мария Игоревна Заславская – доктор социологических наук, профессор, Ереванский Государственный университет, Ереван, Армения; Scopus ID: 57189266783, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9230-2329>; e-mail: zaslavm1@gmail.com

Паргев Сергеевич Аветисян – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, профессор, проректор по науке Российско-Армянского университета, Армения, Ереван; e-mail: parkev.avetisyan@rau.am

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.